

Оставив Фэн Хайлоу в одиночестве в недоумении, бормочущим про себя, не стоит ли попросить фармацевта приготовить успокаивающее снадобье для этой младшей сестры.

Вернувшись в свою комнату, Чжун Минчжу сразу же заперла вход, а затем вытащила из кольца-хранилища угольный горшок — в этот момент она была бесконечно благодарна своей привычке не забывать о готовке, даже находясь в пути.

Высекши искру и дождавшись, пока угли в горшке станут раскалёнными докрасна, она сняла верхнюю одежду, оставив только нижнюю, без каких-либо защитных рун, и, закатав рукава, сначала осторожно, лёгким прикосновением коснулась самого верхнего угля.

Она не использовала никаких защитных заклинаний. Тело культиватора этапа закладки основания мало чем отличается от тела обычного человека. Прикосновение голой кожи к раскалённому углю должно было вызвать шипение обжигаемой кожи и даже запах гари.

Но она ничего не услышала. Кончики пальцев почувствовали тепло, и только. Она медленно положила ладонь на тот уголь, и ладонь тоже ощутила необычно высокую температуру, выше, чем у любого предмета, к которому она прикасалась раньше, но боли не было.

Ладонь, тыльная сторона руки — она по очереди прикладывала их к углю. Наконец, она просто схватила уголь в руку, крепко сжала его, пока он не рассыпался. На руке не было ни следа ожога, единственная боль была от острых краёв угольных осколков.

Вспомнив, она поняла, что за всё время готовки ни разу не обожглась. Даже когда она сражалась с огненным драконом Цзи Тунъя, лишь кусок её одежды обгорел.

Она бросила осколки угля обратно в жаровню, слегка наклонила голову, быстро надела верхнюю одежду и выбежала, чтобы привести Дин Линъюнь в свою комнату. Указав на угольный горшок, она спросила:

— Ты можешь взять это голой рукой?

Дин Линъюнь, которая до этого допрашивала Фэн Хайлоу о Чан Ли, была сбита с толку, когда её втащили в комнату и задали такой странный вопрос. Её первой реакцией было:

— Ты с ума сошла?

— Однажды я видела, как на рынке обычные люди брали каштаны из огня голыми руками, — для Чжун Минчжу оправдания и отговорки были делом пары секунд.

Сказав это, она продолжала указывать на угольный горшок, не моргая, смотря на Дин Линъюнь, излучая странную настойчивость, которая заставляла другую девушку почувствовать, что она не отстанет, пока та не возьмёт уголь.

— Ты же культиватор, можешь просто использовать защитное заклинание, — с раздражением сказала Дин Линъюнь, которую уговорили не беспокоить Чжун Минчжу и не спрашивать о Чан Ли, что сильно её расстроило.

Столкнувшись с таким странным вопросом, она была крайне нетерпелива.

— А без защитного заклинания?

— Откуда мне знать, какие фокусы используют обычные люди? Или ты хочешь жареную

свиную руку? — нахмурившись, Дин Линъюнь осмотрела угольный горшок, но так и не поняла, в чём дело. — Что с тобой?

— Ничего, — улыбнулась ей Чжун Минчжу, а затем вытолкнула её из комнаты, заодно заперла дверь, оставив снаружи возмущённые крики.

Как интересно...

Она смотрела на горшок с раскалёнными докрасна углями, и в её глазах появилось чистое удовольствие.

Чэн Лин всё ещё не приходил в себя, неподвижно лежа в лечебном барьере, излучающем голубоватый свет. Его тело было полностью забинтовано, виднелся только один глаз, и на краю бинтов можно было разглядеть ужасные шрамы.

Эти бинты были не обычными, а особыми талисманами, ускоряющими заживление, и в лечебном свете они приобретали лёгкий зеленоватый оттенок.

Прямо как цзунцзы — эта мысль возникла у Чжун Минчжу, как только она вошла в комнату, и затем не покидала её, заставляя с трудом сдерживать смех. Если бы не то, что врач выглядел крайне уставшим, а ей нужно было задать вопросы, она бы, вероятно, уже рассмеялась.

Врача звали Чэн Сюнь, и он выглядел примерно того же возраста, что и Юнь И, хотя его лицо было более строгим. Он был учеником Лун Тяньли, и по старшинству Чжун Минчжу должна была называть его старшим наставником. Фэн Хайлоу, узнав, что Чжун Минчжу хочет навестить Чэн Лина, особо предупредил её, что старший наставник Чэн очень строг, и, если она будет вести себя неподобающе, её ждёт наказание.

— Сестра Чжун, старший наставник Чэн — человек, который не терпит беспорядка. Даже трое старших наставников не могут повлиять на него. Кажется, именно из-за разногласий с ними он попросил перевести его в Цзяояо. Когда увидишь его, пожалуйста, не забудь о приличиях.

Опасаясь, что она забудет, Фэн Хайлоу повторял это несколько раз. Среди учеников своего поколения он и Дин Линъюнь больше всех общались с Чжун Минчжу и хорошо знали её характер. Сколько бы раз он ни напоминал, ему всегда казалось, что этого недостаточно, и он чуть ли не хотел сам пойти с ней, чтобы присмотреть за ней.

Однако у него были другие дела, а Чжун Минчжу наотрез отказалась откладывать визит, делая вид, что она так сильно переживает за Чэн Лина.

— Они оба носят фамилию Чэн, они родственники? — Однако Чжун Минчжу не оценила его заботу, и вместо этого переключилась на другую тему.

Даже спокойный Фэн Хайлоу был озадачен её вопросом. Он только вздохнул, и не один раз, а трижды, прежде чем с улыбкой ответить:

— Нет, просто совпадение.

— Ладно, я знаю, как себя вести, — увидев, что он снова собирается напомнить, Чжун Минчжу отмахнулась.

Её беззаботный вид вызвал у Фэн Хайлоу головную боль, и он понял, что дальнейшие уговоры бесполезны. С горечью покачав головой, он ушёл, мысленно придумывая оправдания на

случай, если Чжун Минчжу разозлит Чэн Сюня.

Чжун Минчжу действительно была неискренней, но Фэн Хайлоу не учёл, что визит к Чэн Лину был лишь предлогом. На самом деле она шла к врачу.

Она узнала от Фэн Хайлоу, что, когда они нашли Чэн Лина, его тело было сильно обожжено, обнажённые кости почернели, и даже золотое ядро было повреждено.

Такие раны не могли быть нанесены обычным огнём. Когда культиватор формирует золотое ядро, его кровь и кости укрепляются, и только огонь, созданный духовной силой, может навредить культиватору золотого ядра. Наиболее распространённым является истинный огонь самадхи, но он соответствует этапу зарождающейся души. У Чэн Лина были талисманы и артефакты уровня зарождающейся души, так что, даже если он не смог бы полностью защититься, он должен был успеть сбежать, а не быть сожжённым до костей. Если бы это был пятицветный яркий огонь, который требует уровня преобразования духа, то Чэн Лин уже давно обратился бы в пепел.

Она считала, что в этом огне должно быть что-то особенное, но Фэн Хайлоу и другие были слишком заняты поисками Лю Ханьянь, чтобы подробно расспросить об этом. Поэтому она решила попробовать сама поговорить с врачом.

Она также слышала, что лекарство, наложенное на Чэн Лина, было странным. Даже Чэн Сюнь не смог определить его состав. Вернувшись в город Цзяояо, Чэн Сюнь, не доверяя неизвестному лекарству, заменил его на лекарство секты Тяньи, но состояние Чэн Лина резко ухудшилось, и ему пришлось вернуться к прежнему лекарству. Именно из-за смены лекарства Чэн Лин до сих пор без сознания. Это также стало причиной плохого настроения Чэн Сюня.

Но всё это было не важно для неё. Её интересовало лишь происхождение огня.

Вчерашний эксперимент с углём был лишь проверкой её догадки. Она не была настолько глупа, чтобы думать, что огонь, выдыхаемый огненным чжэном, был обычным.

Это вряд ли был истинный огонь самадхи, и не мог быть пятицветный яркий огонь — это могло стать ключом к разгадке её происхождения.

Хотя Чжу Маолин и Байли Нинцин знали правду, они молчали об этом, требуя, чтобы она принесла кровь Жо Е. Даже если не учитывать, насколько сложно справиться с Жо Е, поддерживаемой городом Юньчжун, она пока не могла понять намерения Чжу Маолина. Вдруг она, слепо следуя их указаниям, сама окажется в опасности?

К тому же она ненавидела Байли Нинцин за то, что та подстроила ловушку, и не хотела с ними сотрудничать.

Как говорится, лучше полагаться на себя, чем на других. Самостоятельное открытие всегда лучше, чем просьба о помощи.

— Здравствуйте, старший наставник Чэн, — она думала о сходстве Чэн Лина с цзунцзы, но на лице была безобидная улыбка, её голос был мягким, а движения изящными.

Между бровями даже застыла лёгкая тень беспокойства:

— Я Чжун Минчжу, ученица Чан Ли с пика Тяньтай.

Когда она хотела чего-то добиться, она могла быть покорнее и милее кого угодно.

Но, представившись, она сразу же заметила, что старший наставник Чэн не любит её, точнее, не любит Чан Ли. Когда она назвала себя ученицей Чан Ли, Чэн Сюнь бросил на неё задумчивый взгляд, нахмурил брови, и его ранее безразличное выражение внезапно стало недовольным.

— Ученица Чан Ли, что тебе нужно? — в его голосе чувствовалась странная резкость, как будто он допрашивал её.

Другие старшие наставники называли Чан Ли «младшей сестрой», но он, сохраняя строгое выражение, называл её по имени. Чжун Минчжу сразу же разозлилась.

<http://bllate.org/book/16292/1468676>